

УДК 32.019.51

DOI: 10.17223/1998863X/47/21

А.И. Щербинин, Н.Г. Щербинина

ДЕСЕМАНТИЗАЦИЯ САКРАМЕНТАЛЬНЫХ КОНСТРУКТОВ «ЛЕНИН» И «РОДИНА» В ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ РОССИИ

Раскрывается рамочный характер моделей тоталитарных конструкций политической реальности России. Показано, как в последующие эпохи при перестройке матрицы смыслов в результате «незавершенной» деконструкции произошла десаκραлизация опорных конструктов «Ленин» и «Родина». Исследуется процесс потери указанными символами политической знаковости. Выделяются исторические «вехи» десемантизации знака «Ленин». Проанализированы причины деструкции конструкта «Родина» и десакрализации патриотизма.

Ключевые слова: десемантизация, образная репрезентация, политический миф, конструкт, фрейм, вождь, Родина, патриотизм, деконструкция, деструкция.

Под десемантизацией мы будем понимать смысловую утрату основного значения политического знака. Другими словами, политический знак перестает быть частью конструкции (субъективной политической реальности как смыслового мира), теряет сакральную значимость и свою репрезентативность. Очевидно, что политические знаки вступают в своеобразную постсоветскую игру «кризиса репрезентации знака», но предпосылки данной утраты репрезентативности видны уже в кампаниях по реконструкциям советской знаковой реальности. Сегодня политический знак как таковой практически не репрезентирует, т.е. за ним не стоит четко оформленное представление, связанное с сущностным понятием или концепцией. Например, знак «Ленин» уже давно не представляет мифо-героическое лидерство, придававшее смысл политической реальности в дохрущевский период. После хрущевской реконструкции сдвоенного мифа о вождях пропаганда утратила легитимирующий пафос и не трактовала постсталинскую советскую политическую реальность в мифологических терминах и фактах-конструктах.

Указанная «разборка» мифа о вождях демифологизировала и изначальный образ Ленина, который трансформировался в профанный знак и стал означать просто человека, хотя и «самого человеческого». Показательно, что перестройка социализма в гуманное общество «с человеческим лицом» означала символический возврат к ленинской знаковости. Тем не менее Ленин как значимый политический лидер постепенно стал «непредставляемым», окончательно потеряв свою базовую лидерскую знаковость. И по мере падения значимости ленинского образа, буквально по Фрейду, возрастало родительское «имаго» Сталина-вождя. Во многом подвергалась забвению его перестроечная чисто рациональная критика, тогда как эмоциональная память о Сталине-лидере переоформлялась за счет нового означивания советского руководства в деле индустриализации и организации Победы в Великой войне.

Поскольку в постсовременности основной формой репрезентации в политике выступает образная репрезентация, то Ленин-знак утрачивает и свою образность (структура образа искажается относительно изначальной сталинской моноконструкции мифо-героической реальности Советской России, а затем осуществляется и образная подмена). Потеря образности, в свою очередь, ведет к символической «пустоте» этого знаковообразного элемента политики. Лидер-символ теряет свою лидерскую сущность, «Ленин жил», но не жив. Если успешная политическая коммуникация представляет собой символический обмен, то сегодня происходит обмен «пустыми» символическими сообщениями и знаковыми формами. Так довершается десимволизация «Ленина». Ленин-знак перестает быть политическим символом-конструктом, он не связывает больше политическую реальность с другими феноменами жизненного мира человека. Знак частично остается в коллективной памяти, но утрачивает четкую значащую позицию в запасе основного политического знания, одобренного обществом в качестве «правильного». Тем самым политическая коммуникация с посылом и восприятием данного уже «пустого» сообщения обречена на заведомую несостоятельность. Она как бы работает «вхолостую». Конечно, все указанные трансформации начинаются с переозначивания и переосмысления символического «содержания» знака «Ленин». Так же «не представляемой» постепенно становится и «Родина», самый «почвенный» культурный символ, заместивший изначальную «живую» фигуру Русской земли. Русская земля, как и Родина, персонифицирована, она обладает качеством «жизни», потому может и погибнуть (не случайно патристическое «Слово о погибели Русской земли после смерти великого князя Ярослава» появилась во время татаро-монгольского нашествия). И постепенно в коллективной памяти складывался стереотип, что Родину (землю Русскую) непременно надо спасать, идя на личные и общественные жертвы. Образ Родины тем самым относится к онтологическим, основным и сущностным образцам политической культуры России.

Однако культурных образцов много, почему же нами выбраны именно эти два указанных знака? Потому, что они образуют символический вариант архетипической пары, сочетающей два начала политической власти вообще. Перед нами архетип и прообраз рождения легитимной политической власти. «Царь» и «царство», «Вождь и Родина» в прошлом довольно четко обозначали данный сдвоенный исток, олицетворенную глубинную мифологию власти, опирающуюся на антропологическую и психологическую потребность в концептуализации политической власти как «настоящей». Примечательно, что Петр I, «не настоящий царь» по восприятию народа, символизировавший «чуждый мир», мнил себя одного истоком новой прозападной имперской России. Он репрезентировался одновременно и «отцом Отечества» и «матерью», андрогинным демиургом искусственной «петровской медиареальности». Постсовременный же лидер заведомо виртуален, неаутентичен, технологически создан. И утрата им «почвенности» начинается с пренебрежения к делу символического возведения конструкции Родины как парной политически значимой фигуры. Тем самым постсовременный лидер лишает себя мифологических основ и затуманивает свое актуальное символическое представительство. Знак «лидер России» (с эпохи Ельцина) профанируется до крайности и выражает лишь формальную институциональную принадлеж-

ность. Лидер в таком случае просто-напросто тот, кто занимает «пост» и обладает официальным статусом. Но формальное не заменяет сущностное, новые институты остаются невнятно легитимированными и бессмысленно номинированными.

В чем же вообще состоит природа знаковости, когда и почему знак начинает «значить»? Чтобы стать знаком как таковым, требуется ситуация «семиозиса», продуцирующая значение в самом процессе интерпретации. Именно в семиозисе политическое сознание порождает сам знак, и лидер, например, начинает функционировать в качестве и в виде политического знака. Знак становится понятным лишь в ситуативном контексте своего означивания. В языке же, кодирующем знаковую коммуникацию, смысл знака (послания) не просто пассивно передается, именно язык конструирует политическую реальность. Политически значащие конструкции, если переопределить их в терминах Ж. Деррида, представляют собой «знаковые тексты», имеющие «логоцентрическую» конституцию (см.: [1]). Особенно «конструктивными», т.е. знаково определенными, были конструкции сталинской политической пропаганды. Имеется в виду, что данная самодовлеющая конституция, особый порядок политических феноменов, заведомо навязывает определенный смысл. Такой совокупный текст организован властью, конструирующей политическую реальность, превращая ее в целостный смысловой мир, имеющий ценность истинного знания. В случае тоталитарной России «прототекстом», настоящей логоцентрической конструкцией, по нашему мнению, являлся героический политический мономиф, который транслировался в форме пропагандистской медиареальности. В нем выводился некий род концептуальной оппозиции (герой / антигерой, космос / хаос). Здесь власть-конструктор в политической коммуникации задавала смысловую рамку и заботилась, чтобы ее посыл адекватно воспринимался и понимался. Несомненно, в деле создания тоталитарной субъективной политической реальности смысл авторитарно внушался как единственно верный.

В случае же деконструкции любой «текст» начинает «играть» против смысла. И если ранее язык (в семиотическом широком смысле) конструировал потребную власти субъективную реальность, то теперь преобразующий язык политики самостоятельно работает в плане «разборки» конструкции. В осуществлении деконструкции знак всегда выступает ее объектом. Знак более не замещает («вещь»), а произвольно вступает в связи с другими знаками. «Означающее» подменяется, и знаки начинают означать сами себя. «Означаемый», как «смысл», замещает «означающее», ранее представляемое как «вещь» в объективной политической действительности. Так понимаемое означающее «выводится за скобки» политической реальности и реальность виртуализируется. Знаки образуют новую замкнутую на себя реальность симулякров, лишаясь референтов в модернистском понимании. Получается, что «модернистский текст-конструкция» и «постмодернистский деконструированный текст» существенно отличаются.

Отличия проявляются и в «чтении» данных текстов. Выделяются соответственно два способа прочтения. Старый конструктивистский тип «чтения» предполагает детерминистскую связь символа и его референта, но новое деконструктивистское «чтение» рвет детерминистскую связь. Теперь, в постсовременности, знак можно понимать лишь постольку, поскольку он произ-

вольно связывается с другим знаком – составляется «знаковый текст» в коммуникативной позиции читателя. То есть можно создавать смысл и «текст» одновременно и делать это на собственной «стороне прочтения». Текст, по сути, превращается в «интертекст», а читатель в активного «пользователя». Так политическая реальность «разбирается» только потому, что она была конституирована на другом языке. Старый «текст» как бы заново «прочитывается» и одновременно «прописывается». Новая конструкция, конституированная уже на другом языке, собирается не сразу, чаще *деконструкция остается незавершенной*. Нередко в постсовременном контексте «разборка» осуществляется ради «разборки» и переосмысливание знака вовсе не предполагается. Но зато коммуникация может продолжаться до бесконечности (знак отсылает к знаку). Такая коммуникация становится «пустой», суррогатной, но обмена множатся и множатся. Теперь смысл не единственно верное (истинное) значение, а всего лишь версия. И все многочисленные точки зрения имеют равное право на существование в сегодняшней политической коммуникации. Модернистская истина как исключительный, всеобщий и объективно заданный феномен сменяется множеством банальных субъективных истин постмодерна. Истин в политической коммуникации сегодня бытует почти столько же, сколько и «правд», мнений и частных представлений о реальности. Медиафакты больше нельзя верифицировать, проверить на «подлинность», ведь любой медиафакт заведомо искусственно создан и потому заранее проинтерпретирован. Впрочем, следует добавить, что противопоставление модерна и постмодерна в данном контексте лишь научная условность, поскольку «замещающая» функция знака никогда, по сути, не выполнялась. Знак никогда не отражал объективного мира и всегда отличался произвольностью, только в постсовременности эти его качества обнаружились явно. Дело в том, что сфера виртуализации политического заметно расширилась за счет трансформации медиареальности. Характер медиатекстов также утратил авторитарную «логоцентричность», и «единственно верный» политический смысл «подлинного» послания потерял свою догматическую навязчивость.

При всем при том исторические эпохи и политические реальности России отличаются по языковому (семиотическому) признаку. Например, в Средневековье осмысление и интерпретация политической реальности совершалась в христианских символах. Тексты или символические конструкции времени Московского царства имели в данной связи единый образный язык описания, близкий к устной словесности. Потому многие из текстов, выполняющие идеологические функции, обрели форму искусственно смоделированных христианских и одновременно политических легенд (см.: [2]). Это было время активного семиозиса, когда понятия «царство» (государство) и «государь» становились смыслонесущими знаками. Тоталитарная картина мира являла собой уже всеобъемлющую, законченную и четко центрированную конструкцию, отличающуюся «наличием» политического лидера-знака. А тоталитарный политический текст в рамках символического универсума (этой всеобщей матрицы смыслов) был концептуализирован и «написан» единым образным языком героического мономифа. Постсовременные тексты, напротив, не группируются в цельную виртуальную реальность, поскольку не творятся на едином языке. Такие тексты воспринимаются посредством тех-

ники «постмодернистского чтения». Ярким примером подобного «чтения» является «интертекст Трамп». В данном медиатексте деконструировалось значимое ранее понятие политического лидера, и коммуникация вышла за рамки выборной традиции «говорения» на официальном политическом языке. В результате возникла картина мира, где «не наличествует» образ американского президента. Трамп – это лидер-копия без оригинала. Он не репрезентировался как «традиционно-демократический» знак, а просто коммуницировал в ситуации выборной кампании и пытается делать это и сейчас, используя «повседневный» язык. Вместе с тем институционально, статусно и физически Трамп-президент по-прежнему присутствует.

1. Деконструкция мифа о Ленине

Мифо-героическое конструирование политической реальности советской России изначально опиралось на миф о Ленине. Политическая реальность управляемо конституировалась в особый порядок феноменов, образовывая смысловой мир. Новая конфигурация политической реальности моделировалась героическим мономифом, сказанием о путешествии героя, преодолении им препятствий, борьбе с врагами и последующем возвращении как Спасителя. Политическая реальность конкретно символически репрезентировалась Лениным-героем, выступавшим легитимным властителем, согласно архаической форме обоснования мирового порядка. Подобная легитимация не опирается на собственно «теорию», но безотносительно нее основывается на наивной вере. В плане политической коммуникации героический политический мономиф (архетипический символический ряд) кодировал медиареальность и обеспечивал язык смыслового обмена. Потому политические образы репрезентировали и служили основными знаковыми формами. В самом репрезентационном акте управляемой властью однонаправленной и осмысленной политической коммуникации свершалось оформление представления о предельной легитимности самой этой власти и ее бытия в сакральной политической реальности (см.: [3. С. 79, 90]). Такого рода политические конструкции не проблематизируются и не подвергаются сомнению, напротив, они вносят смысл и в повседневный мир.

Очень скоро структура тоталитарного мифа была «удвоена» за счет аналогичного путешествия Сталина-героя. Сталин символически повторял не только героический путь Ленина, но и совершал «вторую Октябрьскую революцию», а также одерживал «окончательную победу», безвозвратно утвердив «социалистический» характер политической реальности. На сталинском этапе мифотворчества таким способом создавалась сложная сдвоенная политическая конструкция, смысловой мир, героем-основателем которого, одержавшим «начальную» победу, выступал Ленин. Образ Ленина репрезентировал сакральную основу легитимной советской власти, а слово-символ «Ленин» стало «значимым знаком». Образ Ленина как конструкт политического сознания (структура фактов-конструктов субъективной природы) приобрел сакраментальную значимость в картине тоталитарного политического мира. Этот образ включал в себя две ипостаси: Ленин был демиургом советского мира (героической первопричиной и истоком его) и создателем «завета» (священных текстов, указывающих «единственно верный путь»). То есть

общество должно было следовать «заветам Ленина» и идти «ленинским путем», но под водительством Сталина-вождя.

Однако героическая мифоконструкция просуществовала лишь до смерти Сталина и затем была подвергнута существенной реконструкции, оставив одного героя-основателя – Ленина. Исторически деконструкция героического мифа прошла несколько этапов. Сначала сдвоенный героический политический мономиф, нарратив о путешествии героя Ленина-Сталина, была усечен и трансформирован в преобразованный миф о Ленине. Этому способствовала хрущевская символическая кампания «по развенчанию культа личности Сталина». Такое «урезание» конституции (структуры) тоталитарного мифа разрушило значимую символическую конструкцию двух Побед и двух Революций. Миф отошел в область древнего политического предания об истоках, а герой окончательно воплотился в носителя абстрактного «учения». Это, в свою очередь, поколебало основы концептуальной конструкции «страны героев», поскольку главной ипостасью героя являлся именно Сталин, подвиг которого выступал всеобщей поведенческой моделью и социальной матрицей. И «разгероиченный» политический мир СССР стал профанироваться.

В итоге была утрачена вера в сакральные потенции лидера. «Стиль изображений Ленина в 60-е заметно отличался от скупой, суровой графики 20-х гг. Как правило, Ленин предстал в виде величественной, титанической скульптурной фигуры – или же в образе простого, доступного и дружелюбно настроенного немолодого человека, поданного в мягком освещении» [4. С. 232]. Итак, перед нами две образные ипостаси – «монумент» и «простой человек». Форма монументальной символизации предполагает высокий уровень абстракции, так изображается «идея», но не живой образ. А «самый человеческий человек» всего лишь профанная фигура, лишенная сакральной ауры вождя. При утрате эмоциональной связи в восприятии Ленина-символа, что проявилось в уже в 1970-е гг., коммуникативная «форма Ленин» становится «пустым» знаком, существующим для проформы. И тогда же появляются анекдоты о Ленине, высмеивающие «простоту», «дружелюбие», «доступность» и прочие «человечные» символические качества сусального образа-образца так называемой «ленинианы». Пропагандистская машина начинает работать «вхолостую», символический образ Ленина не убеждает, но еще репрезентирует советское лидерство. Однако это уже не героическое политическое лидерство и миф о Ленине-герое сводится на нет, власть демифологизируется. Наступает негероическая эпоха Брежнева, номинально идущего «ленинским курсом», но сам образ Брежнева лишь пародия на вождя, одновременно и Ленина, и Сталина.

В данной связи надо остановиться на соотношении терминов и стоящих за ними понятий «пародия» и «деконструкция». В целом, насколько можно судить, артикулируются две позиции. Согласно наиболее распространенной точке зрения пародию можно считать одной из форм деконструкции. Под пародией понимается подражание чему-то, создающее особый смеховой эффект. По нашему мнению, здесь наблюдается феномен «перевода» знака (текста) на превращенный язык смеха. И в этом смысле пародия имеет прямое отношение к деконструкции, поскольку «разрушение» конструкции осуществляется именно в «переводе» и воссоздании «текста» на другом языке. Пародийный «текст» прочитывается по-другому, пародийное чтение демон-

стрирует как бы «античтение». В результате пародийной языковой «игры текста против смысла» первоначальный смысл во многом утрачивается. Вторая точка зрения утверждает противоположное, что пародия – это не деконструкция вообще, поскольку она лишь высмеивает троп [5]. Как можно понять данную точку зрения, для свершения деконструкции требуется сознательный и критический акт переосмысления, а бессмысленное «коверкание» тропа лишь предтеча деконструкции. Как нам представляется, обе точки зрения можно объединить. Пародийная форма деконструкции изменяет смысл знаковой конструкции, поскольку «содержание» всегда релевантно форме. Но процесс переосмысления политических феноменов часто не завершается, и все сводится к пародийной форме ради вышучивания как такового. Так можно, по нашему мнению, трактовать все анекдоты о Ленине.

В анекдотах подвергается осмеянию именно Ленин-человек, его внешность, особенности речи, «образцовые» черты характера, отношения с людьми, как известными личностями, так и народом (преобладают отношения с ходоками и детьми). При этом Ленин-политик («политическое тело» вождя) практически не представляется в смешном виде, хотя этапы его биографии отражены довольно полно (детство и гимназия, революционная деятельность, кремлевский этап). Ленин сопрягается с другими анекдотическими персонажами (Вовочкой, евреем и т.п.) и дискурсом «пустого» сквернословия, включаясь в смеховой ритуальный мир вообще. Но одна из особенностей постсоветской современности состоит в том, что шуточный (шутливый) и серьезный миры смешиваются, переплетаются. Это тем более заметно, что политический мир виртуализируется, превращается в поле символической игры как таковой. Ленин-политик в этом игровом «вертепе», в спектакулярном действе «марионеток» уступает и Сталину, и Брежневу, которые сохранили, даже сегодня, некоторую лидерскую политическую знаковость.

Таким образом, в анекдотах Ленин предстает смеховой пародией на «самого человеческого человека», но не дотягивает до антигероя. Образ Ленина не демонизируется, но просто «переворачивается» и достигает политического статуса карнавального персонажа (по Бахтину), который все делал «не всерьез». Смеховым апофеозом «сворачивания» образа Ленина до фэйковой, а потом и мемной информации становится мистификация 1991 г., поданная в виде телеинтервью, которое брал журналист С. Шолохов у музыканта С. Курехина, в передаче «Пятое колесо». В разговоре утверждалось, что Ленин на самом деле «был грибом», что открывает «основную тайну» Октябрьской революции [6]. Данная форма осмеяния лишает Ленина даже человеческой сущности, но речь не идет о переосмыслении образа Ленина. Это прикол ради прикола. Другими словами, анекдоты о Ленине и мемы о Ленине-грибе представляют собой некие феномены десемантизации Ленина-знака. Значение слова «Ленин» претерпевает превращения от номинации официально образцового «самого человеческого человека» к просто человеку с «отзеркаленными» недостатками, а потом и вовсе лишается качества «человечности».

И наконец, полную деконструкцию мифа о Ленине, по нашему мнению, предпринял Л. Абрамян в конце 1990-х гг., когда вышла его работа «Ленин как трикстер». Статья, как подчеркивает сам автор, это «не развенчание образа вождя Революции, а попытка выявить его мифологические соответствия»

[7]. Само это заявление и феноменологический и мономифический анализ текста свидетельствуют о том, что Абрамян структурирует содержание образа мифологического персонажа Трикстера на основе элементов модели Топорова («Образ трикстера в енисейской традиции»). Он заново переконструирует структуру мифа о Ленине, но устраняет при этом его «героическую» сущностную значимость. Из контекста статьи Абрамяна так же можно понять, что он, называя свое исследование «трикстерной реконструкцией», фактически обозначает основные положения собственной версии «неканонической ленинианы». Это авторское определение весьма точно передает суть проделанного Абрамяном, ведь его статья подвергает ревизии «мифо-героический канон».

Действительно, по нашему мнению, он разбирает и ломает структуру политического мономифа о Ленине-герое, который выступал текстовым каркасом тоталитарной пропагандистской реальности. Метакритика героического мономифа реализовывалась им в качестве переделки иноязычного текста («мифологии удачливого брата-демиурга»). Переконструирование же новой структуры осуществлялось путем моделирования текста, воссоздававшегося на другом «языке». Совокупный текст «Ленин» заново прочитывался Абрамяном. Чтение, очевидно, совершалось способом создания инверсии, когда ключевое понятие обозначалось словом «трюк». Потому все трикстерные (антигероические) поступки данного персонажа «реконструированного» мифа о Ленине и предстали у Абрамяна в виде трюков, кривых путей, хитростей, акта переворачивания, импровизации, бриколажа и т.п.

Рассмотрим основные итоги его «трикстерной реконструкции». Ленин в «неканонической лениниане», которую Абрамян по-своему воспроизводит, выступает демиургом весьма специфического толка. Он «изменитель» и «культуртрегер», но творит мир с помощью хитрого трюка. Для этого трикстер, как и герой, отправляется в путешествие, но выбирает «обходную» и «кривую» стезю, в этом и состоит особенность его путешествия. По кривой дорожке Ленин идет и в революцию и в новую экономическую политику. И здесь, по мнению Абрамяна, трикстер сближается со сказочным дураком. Но Ленин-трикстер не пассивный дурак, полагающийся на Судьбу, а активный деятель. Так, Ленин старался, подчеркивает Абрамян, «перехитрить Историю», ситуативно творя собственную трактовку марксизма. Следовательно, Ленин-трикстер обходился даже без «волшебного помощника» (игнорируя закономерности марксистского учения), но опирался на случай как таковой, его революция зависела от «правильно выбранного момента». Отсюда революционный акт в «реконструкции» Абрамяна предстает как «переворот истории» и «карнавалы фарс», ведь противники-контрреволюционеры тоже буффонадные, юнкера и женщины. Ленин-трикстер всегда «ловил момент», чтобы «провести» эту самую историю. Абрамян подчеркнуто не опирается на К.Г. Юнга, но тем не менее полагает, что если Ленин – трикстер, то Сталин «его тень», абсолютное зло. Итак, «путь трикстера» неправильный и его движения спонтанны, но на этом пути Ленин-трикстер все же уничтожает дракона («гидру царизма»). Стараясь сформировать свою конструкцию образа Ленина-трикстера в соответствии с шаблоном (характеристиками из работы Топорова), Абрамян принудительно вводит такие клишированные элементы, как «отношение к еде» и «гиперсексуальность», хотя не все тут у него «схо-

дятся» с эталоном. Но зато внешность Ленина и его язык вполне «трикстерные» и даже близкие к образу «рыжего клоуна», полагает он. То есть трикстерный облик Ленина являет собой пародию на серьезного политика, а его трикстерная речь – пародия на научный дискурс [7].

В качестве итоговой характеристики Абрамяном подается мысль, что Ленин авантюрист, ведь его занимало лишь «трикстерное переустройство мира». Потому Ленин не мог проявлять заботу о конкретных людях (интересно, что источником последних сведений для него выступали анекдоты о Ленине, которые сами служат формой деконструкции). Потому в целом Ленин, по Абрамяну, «неудачливый демиург», брат-близнец, который хотел принести добро людям, но принес им одно лишь зло. Получается, что конституирован отзеркаленно отрицательный «полнос» образа Ленина, если сравнить его с характеристиками «канонической ленинианы». В самом конце статьи Абрамян делает странное заявление, что «политическая фигура Ленина и его личность» более отражают приведенный им «совмещенный образ» (образ братьев-близнецов), т.е. образ официальной пропаганды и неофициальные представления о Ленине. Хотя образ согласно, по крайней мере, объективистской традиции должен был бы «отражать» личность, а не наоборот. По мысли Абрамяна, выходит, что в результате «трикстерной реконструкции» (или, в наших терминах, «деконструкции») героического мифа о Ленине) им было дополнено официальное представление о Ленине-политике, и в целом получился образ Ленина, приближенный к объективному контексту (конкретно-исторической личности в ее политических проявлениях). Словом, Абрамян претендует на раскрытие «правды» о Ленине.

Каков же новый «язык» деконструированного текста Абрамяна? Мы бы назвали его языком «царского кода». «Царский код» – это слова самого Абрамяна [8. С. 7]. Они обозначают культурное чередование «короля-отца» и «сына-дурака» в ритуально-карнавальном круговороте смены политической власти. «Карнавальный закон переворачивания», выведенный Абрамяном из описанного М.М. Бахтиным феномена карнавализации культуры, применяется им к мифологии политической власти, образующей парные образы. У Абрамяна типичный «царь-отец» – это Сталин, а «сын-дурак» – Хрущев, космос сменяется хаосом. Логика смены властителей аналогична логике карнавала, потому «царский код» и задает мифологию политической власти. Здесь соотнесение политики и мифа понимается метафорически. Ленин же, насколько можно судить по работе «Ленин как трикстер», – это мифологический «первопредок», протоотец, прообраз, черты которого, серьезные или карикатурные, унаследовал каждый последующий властитель. Обе указанные нами работы Абрамяна, дополнив и прояснив одна другую, в целом раскрывают логику авторской деконструкторской мысли.

Так вот бинарная оппозиция, которую находит Абрамян в качестве первого шага деконструкции героического политического мифотекста, и есть антитеза «царь – дурак». Затем следует второй шаг – инверсия, замена царя его мифологическим антиподом, трикстером. Абрамян проводит ревизию мифологического героического канона, трансформирует мономифическую модель путешествия героя, согласно которой политический лидер в символически-ритуальном путешествии выступает змеборцем и спасителем коллектива. Конечно, героический мономифический нарратив о политическом ли-

дере являлся принудительным и авторитарным политическим дискурсом о Ленине. Он «логоцентричен», согласно термину и понятию Деррида. Потому процесс деконструкции текста, по мнению «модификатора», выявляет то, что текст лишь подразумевает [1. С. 71]. Итак, Абрамян в результате деконструкции текста «Ленин», «разложения» его и «сборки» иного текста, лишает знак «Ленин» остатков свойства сакраментальности. Он переворачивает значение знака с символической позиции героя к ипостаси антигероя, к трикстеру. Так рождается иное познание и конструируется антитекст согласно другой модели. А за героическим лидерским актом творения нового политического мира видится трюкачество, мир создан исключительно обманным путем. Потому у Абрамяна нет и Революции, по сути, но есть «переворот», мир вывернут наизнанку Трикстером и сам он авантюрист-перевертыш. То есть Абрамян доводит деконструкцию мифа о Ленине до завершающего этапа переосмысления на основе инверсии мифообраза вождя.

Новейшей деконструкцией (и даже деструкцией) мифа о Ленине как демиурге советского мира является сравнительно недавнее высказывание президента В.В. Путина. Путин неоднократно называл Ленина потенциальным «разрушителем» СССР, имея в виду значение, антиподное героической семантике слова «Ленин», поскольку герой всегда определяется в качестве «созидателя» и «творца» [9]. При этом Президент РФ символически позиционирует себя как хранителя основ бытия русской власти и исконного единства русского мира, релевантной формой воплощения которого являлось и является сильное централизованное государство, идущее еще от князя Владимира (см.: [10]). Тем самым сакрализуется именно пространство истоков русской власти, а позиционируемый изначально (досоветский) политический лидер до мифогероя не дотягивает.

2. Вождь и Родина: от номенклатурного конструкта к деструкции

Данная часть статьи предметно перекликается с подзаголовком «Сталин и родина» в книге В. Боннелл «Иконография власти» [11]. Вождь и родина – не просто базовый парный конструкт, но, по нашему мнению, содержательно подвижный, одна часть которого до определенного момента может существовать за счет другой. Следует заметить, что «Родина» отнюдь не объективная данность, а нечто, относящееся как к «воображаемым сообществам», по Б. Андерсону, предполагающим некую «естественность прочтения» адресатом, так и к откровенно номенклатурным конструктам (см.: [12]), рожденным в недрах аппарата власти, где эту «естественность» приходилось насаждать.

Вопросы зарождения в кабинетах ЦК ВКП(б), а также теоретико-философского обоснования советского патриотизма силами АН СССР были уже раскрыты ранее [Там же], сейчас имеет смысл обратить внимание на процесс трансляции и закрепления данного конструкта в сознании граждан, с учетом специальных каналов и инструментов воздействия. Не претендуя на всеобщий охват проблемы, ограничимся направлением, которое не попало в План мероприятий по пропаганде среди населения идей советского патриотизма (1947 г.), а именно системой школьного образования и воспитания. Это произошло, по нашему мнению, отнюдь не по невниманию или недооценке.

Просто в сложившейся системе индоктринации школа была надежным «эшелон» защиты и продвижения любых готовых идейно-политических конструкций, причем на стратегически важном направлении работы с будущим. Однако общая интенция указанного выше Плана не осталось без внимания Минпросвета. Именно в силу этого имеет смысл рассмотреть, как на фоне методических рекомендаций данной организации и их адаптации в школе одновременно с достройкой Плана 1947 г. закладывалась основа десемантизации составных частей, что способствовало последующему «вымыванию» из конструкта поддерживающих ценностно-смысловых опор.

Позаимствуем для дальнейшей работы цитату из начала статьи Г.Е. Глезермана в сборнике «О советском патриотизме», выпущенном Институтом философии АН СССР, где тот писал: «Судьбы нашей Родины нераздельно связаны с большевистской партией, твердо и уверенно направляющей наше движение вперед, к коммунизму. Вот почему в сознании советского человека тесно слились Родина, партия, Сталин. Вот почему в лице Всесоюзной Коммунистической партии большевиков, в образе великого учителя и вождя товарища Сталина советские люди видят воплощение своих высочайших патриотических чувств и стремлений» [13. С. 119–120]. Итак, в ментальной «оптике» советского человека в одну значимую линию тесно слились Родина, партия, Сталин. Именно на этой триаде строятся методические указания для учителей. По сути дела, любой из элементов не просто выполняет задачу смысловой отсылки к двум другим, а следовательно, способен не только репрезентировать их, но и замещать. То есть мы имеем дело со своего рода «мерцающей» игрой знаков и референтов, где логика исследовательского жанра вроде бы позволяет приравнять их друг к другу. Но политическая логика строится по другим законам, и в этом контексте вспоминается сюжет, приведенный Г.С. Померанцем, где реально действующий персонаж – «основщик, т.е. преподаватель основ марксизма-ленинизма... написал диссертацию на тему „Свобода и необходимость“». Исследуя эту категорию, он спросил: что было бы, если бы агенты Временного правительства убили Ленина? Ответ (в 1949 г.) был ясен: Октябрьскую революцию совершила бы партия под руководством товарища Сталина. Здесь в 1949 г. надо было остановиться, но Рутштейн был честно глуп и поставил следующий вопрос: а если бы агенты Временного правительства убили Сталина? Тогда Октябрьскую революцию совершила бы партия... Партия без Сталина... Дураку дали 10 лет» [14. С. 146]. Следовательно, политическая логика образца 1949 г. превращала Сталина в главный знак триады, к которому адресовались и которым «декорировали» онтологию двух других.

Деструкция мифо-идеологической концептуальной системы, предпринятая Хрущевым после XX съезда ВКП(б), означала не просто изъятие главного знака из триады и неудачную попытку заменить его «партией». На деле она привела к обвальной десемантизации конструкта «Родина». Чтобы понять, почему это произошло, обратимся к теории фрейма (см.: [15, 16]), поскольку именно данная «рамка» патриотизма направляла взгляды советского человека на прошлое, настоящее и будущее, на окружающий мир и мир внутренний. Фрейм требовал жесткого соответствия означенным элементам данного видения: любовь к родине в семантической паре с ненавистью к врагам и всему враждебному в стране и мире, гордость за свою родину, сочетаемая с чув-

ством превосходства над миром капитализма. Эти контуры советского патриотизма закономерно подкреплялись чувством преданности делу Ленина-Сталина.

Посмотрим, каким образом фрейм патриотизма был воспринят и доконструирован на уровне советской школы. Для этого воспользуемся двумя источниками, воспроизводящими конструкт патриотизма как воплощение в жизнь Плана мероприятий. Первый из них «Начальная школа. Настольная книга учителя» (М., 1950) [17], второй – «Воспитание советского патриотизма в школе. Из опыта школ» Н.П. Егорова, В.И. Куфаева, А.В. Янковской (М., 1951) [18]. Из сравнения стихийного (естественного) буржуазного патриотизма, формирующего «слепую привязанность к родине», и осознанно взращиваемого, культивируемого советского патриотизма вытекает необходимое подтверждение, что речь идет о сознательном конструкте [18. С. 27].

План был своего рода канвой, на которой формировался достаточно однообразный «узор» патриотического воспитания в школе. «Нити» этой канвы тотально доминируют на страницах обеих книг, где нередко текстуально воспроизводятся основные тезисы канонического Плана мероприятий, а ключевые положения-основы нередко повторяются чуть ли не в каждом абзаце. Надо заметить, что догматика вышеуказанных пособий граничит с одной из разновидностей индоктринации – инкалькацией (впечатывание, вдалбливание).

Обратимся к базовой апории суждений о патриотизме. Это «любовь – ненависть». А именно «беззаветная любовь» к Родине и «священная ненависть» к ее врагам, к чему атрибутивно привязаны «гордость» за свою страну и «превосходство» над другими странами. Отметим, что авторы минпросветовской «Начальной школы» в большей степени выдерживают «рамку» доминирования в борьбе социализма и капитализма, включая в свой арсенал аргументы из победных страниц истории страны, ее далекого и недавнего прошлого, культуры и науки, успехов в настоящем, а также будущего в виде сталинского плана построения коммунизма. Книга «Воспитание советского патриотизма в школе» в большей степени акцент делает на любви. Но здесь стоит обратить внимание на два важных момента. Прежде всего, это утилитарный характер выработки чувства любви к родине (и патриотизма в целом): «...надо прививать своим питомцам не отвлеченную, платоническую любовь, а живое патриотическое чувство, мобилизующее школьников на отличное учение и посильный практический труд в интересах родины... Советский патриот знает, за что он любит родину. Он понимает, почему надо бескорыстно служить ей, укреплять ее могущество, умело и самоотверженно защищать ее от врагов. Подлинный советский патриот выполняет свой долг перед родиной и народом сознательно, добровольно» [Там же. С. 17–18].

Итак, конструкт «любовь к родине» уже на раннем этапе проходит эволюцию от чувства любви до утилитарного его применения и далее к долгу перед государством. На страницах 19–20 «родина» становится «государством», а патриот уже определяется как «по-государственному думающий и поступающий человек». Но главная, и предсказуемая, метаморфоза выявляется в конце первой, теоретической, главы. Определяя Сталина и родину как символы могущества и славы отчизны (обратим внимание на смысловое удвоение значений «родина-отчизна» и Сталин [как отец]-отчизна»), великих

подвигов народа и его процветания, авторы «Воспитания советского патриотизма в школе» во всей полноте осуществляют перенос любви с родины на вождей («...любовь советского народа неразрывно связана с любовью к нашим вождям»; [о детях] «...развитие у них патриотического чувства неотделимо от воспитания любви к великим вождям – Ленину и Сталину»; «...воспитывать любовь к Ленину и Сталину, преданность делу партии Ленина-Сталина – важнейшая задача школы»; «делает близкими и дорогими учащимся образы вождей. Эти образы органически связываются у них с представлениями о советской родине»; «Воспитывая у детей любовь к вождям – Ленину и Сталину, к коммунистической партии и Советскому правительству, к столице социалистического государства Москве – сердцу нашей родины, школа закладывает прочные основы для развития и культивирования советского патриотизма») [Там же. С. 23–25].

Совпадение знаков «вождь» и «родина» было дидактически оправданным, так как абстрактное и субъективное понятие, опирающееся скорее на образы и смыслы, нежели на факты, легче всего передать с помощью фокусировки на конкретном символе – Сталине, впитавшем все достижения эпохи. Но это закладывало и угрозу всему конструкту в случае развенчания опорного его элемента, что и произошло в результате хрущевской деструкции знакового образа вождя народов. Оказалось, что родина без вождя – просто страна, где на фоне продолжавшихся восхвалений превосходства строя (космос, программа построения коммунизма, задача догнать и перегнать Америку и т.п.) население стало чаще обращать внимание на системные недостатки. Таков итог десемантизации, приведший к десакрализации знака «родина». Главная нагрузка теперь падала на качественно урезанные после символической «ампутации» составные части фрейма. Функция вождя теперь ложилась на партию (коллективного вождя), на Ленина (ставшего из сдвоенного символа революции и победы социализма – «Ленин-Сталин» – «всегда живым» вождем революции, с которым надо сверять современность, «самым человечным человеком»). В силу этого такой патриотический компонент, как «преданность делу Ленина» (без Сталина), стал носить преимущественно культурно-исторический характер. Фактически произошли демодернизация и музеефикация В.И. Ленина.

Продолжавшаяся «холодная война» все больше способствовала включению в элемент любви к родине апории «благородное чувство священной ненависти к врагам». Надо отметить, что данный элемент фреймирования, как и других компонентов патриотического конструкта, опирался на базовые, не подлежащие сомнению образы и чувства. Например, заложенное в школьные годы определение американского империализма как фашизма: «Америка считается страной свободной и демократической. А на самом деле там господствуют крупные капиталисты, т.е. фашисты» [Там же. С. 119] ляжет в основу сохранившихся в глубинах сознания элементов патриотизма, сохранит способность к воспроизводству. Как, впрочем, практически десемантизированное чувство превосходства в качестве одного из аргументов мессианизма. К слову сказать, анализ телепередачи «Вечер с Владимиром Соловьевым», адресованной россиянам как крупноформатная площадка защиты России от зарубежных нападков в новой «редакции холодной войны», строится исключительно на двух элементах, оставшихся от когда-то полномасштабного пат-

риотического фрейма. А именно на messiанизме России и чувстве священной ненависти к врагам. Что, разумеется, имеет ограниченный «конструктивный» эффект, когда смысл родины отсутствует или в лучшем случае неявно подра- зумевается.

Литература

1. Деррида Ж. О грамматологии. М. : Ad Marginem, 2000. 512 с.
2. Плеханова М. Сюжеты и символы Московского царства. СПб. : Акрополь, 1995. 336 с.
3. Щербинина Н.Г. Мифы-героическое конструирование политической реальности России. М. : РОССПЭН, 2010. 287 с.
4. Тумаркин Н. Ленин жив! : Культ Ленина в Советской России. СПб. : Академический проект, 1997. 285 с.
5. Деконструкция [Электронный ресурс] // Pikabu : сайт. Электрон. дан. Б.м., 2016. URL: https://pikabu.ru/story/perevod_statii_o_dekonstruktsii_5273691 (дата обращения: 12.11. 2018).
6. Ленин – гриб [Электронный ресурс] // Клуб скептиков : сайт. Электрон. дан. М., 1991. URL: https://www.skeptik.net/prikol/lenin_gr.htm (дата обращения: 05.05. 2018).
7. Абрамян Л. Ленин как трикстер [Электронный ресурс] // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика : сайт. Электрон. дан. М., 2002–2003. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/abramyan1.htm> (дата обращения: 10.02. 2018).
8. Абрамян Л. Король умер, да здравствует король: мифология советских и постсоветских лидеров. *Studia Anthropologica*: сб. ст. к юбилею М.А. Членова. Москва ; Иерусалим : Гешарим, 2010. С. 53–86.
9. Курманов А. Ленин, как «разрушитель» Советского Союза и Путин, как его «собира- тель» [Электронный ресурс] // Сайт Социалистического движения Казахстана / Блог социали- стов, рабочего движения и социальных активистов Казахстана. Электрон. дан. Астана, 2016. URL: <http://socialismkz.info/?p=15497> (дата обращения: 10.10. 2018).
10. Щербинина Н.Г. Конструирование сакрального пространства как истока русской вла- сти // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 420. Июль. С. 192–196.
11. *Bonnell Victoria E. Iconography of Power: Soviet Political Posters under Lenin and Stalin.* Berkeley. Los Angeles; London : University of California Press, 1999. 363 p.
12. Щербинин А.И. Патриотизм как номенклатурный конструктор // Вестник Томского госу- дарственного университета. Философия. Социология. Политология. 2016. № 3 (35). С. 264–270.
13. Глезерман Г.Е. Партия большевиков вдохновитель и воспитатель советского патрио- тизма // О советском патриотизме: сб. ст. / под ред. Н.П. Васильева, Ф.Д. Хрустова. М. : Госпо- литиздат, 1950. С. 119–181.
14. Померанц Г. Проблема Воланда // Выход из транса. М., 1995. С. 146–202.
15. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М. : Ин-т со- циологии РАН, 2003. 752 с.
16. Яноу Д., Хульст М. ван. Фреймы политического : от фрейм-анализа к анализу фрейми- рования // Социологическое обозрение. 2011. Т. 10, № 1–2. С. 87–113.
17. Начальная школа : Настольная книга учителя / под. ред. М.А. Мельникова. М. : Учпед- гиз, 1950. 915 с.
18. Егоров Н.П., Куфаев В.И., Янковская А.В. Воспитание советского патриотизма в шко- ле : Из опыта работы школ. М. : Учпедгиз, 1951. 234 с.

Alexey I. Scherbinin, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: shai52@mail.ru

Nina G. Scherbinina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: sapfir.19@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 47. pp. 200–215.

DOI: 10.17223/1998863X/47/21

THE DESEMANTICIZATION OF THE SACRAMENTAL CONSTRUCTS “LENIN” AND “MOTHERLAND” IN RUSSIA’S POLITICAL REALITY

Keywords: desemanticization; figurative representation; political myth; construct; frame; leader; Motherland; patriotism; deconstruction; destruction.

The first part of the article reveals the framework nature of the models of totalitarian constructions of Russia's political reality. The authors assume that in the subsequent periods during the restructuring of the meaning matrix there was a desacralization of the supporting constructs "Lenin" and "Motherland". The article substantiates this hypothesis, and reveals how these symbols lost their political significance. This is the result of an "incomplete" deconstruction, when the initial meaning is "debunked", but no reinvention occurs. Due to the loss of meaning, political images lose their figurative representativeness and communicative relevance, these signs become "empty" forms. The second part contains the case study of the deconstruction of the myth about Lenin. Initially, the myth-structure "Lenin" lost its heroic semantic content and became senseless. The article highlights the historical "milestones" of the desemanticization of the symbol "Lenin": the official reconstruction of the basic heroic monomyth into a truncated construct of a transformed myth of Lenin; anecdotes about Lenin as a form of the deconstruction of the myth; the "fake" and "meme" deconstruction and the deanthropologization of "Lenin".

All this affected the figurative leadership representation of Soviet and post-Soviet Russia, depriving it of its "ultimate" myth bases. The case of the "complete" deconstruction of the myth of Lenin is related to the attempt of his scientific rethinking. This contributed to the revision of not only the heroic and demiurgic role and "overturning" legitimizing semantic guidelines in relation to the heroic myth of the Soviet Russia, but also of the Revolution as the origin of the political reality. In the third part, the "case" of the dramatic destruction of the "Motherland" construct was analysed, which led to the desacralization of such a semantic political phenomenon as "patriotism". The source material for the authors' comparison was the totalitarian school materials, which prescribed semantic figurative constructions and frames of understanding of the Soviet patriotism. As a result, the modern political communication on the topic of patriotism has lost its significant definiteness, and its identity has become extremely negative.

References

1. Derrida, J. (2000) *O grammatologii* [On grammatology]. Translated from French by N. Avtonomova. Moscow: Ad Marginem.
2. Plyukhanova, M. (1995) *Syuzhety i simvolny Moskovskogo tsarstva* [Plots and symbols of the Moscow kingdom]. St. Petersburg: Akropol'.
3. Shcherbinina, N.G. (2010) *Mifo-geroicheskoe konstruirovaniye politicheskoy real'nosti Rossii* [Mythical and heroic construction of the Russian political reality]. Moscow: ROSSPEN.
4. Tumarkin, N. (1997) *Lenin zhiv! Kul't Lenina v Sovetskoy Rossii* [Lenin is alive! The cult of Lenin in Soviet Russia]. St. Petersburg: Akademicheskiiy proekt.
5. Pikabu. (2016) *Dekonstruksiya* [Deconstruction]. [Online] Available from: https://pikabu.ru/story/perevod_statii_o_dekonstruktsii_5273691. (Accessed: 12th November 2018).
6. Sceptics Club. (1991) *Lenin – grib* [Lenin is a mushroom]. [Online] Available from: https://www.skeptik.net/prikol/lenin_gr.htm. (Accessed: 5th May 2018).
7. Abramyan, L. (2002–2003) *Lenin kak trikster* [Lenin as a trickster]. [Online] Available from: <http://www.ruthenia.ru/folklore/abramyan1.htm>. (Accessed: 10th February 2018).
8. Abramyan, L. (2010) Korol' umer, da zdravstvuet korol': mifologiya sovetskikh i postsovetskikh liderov [The king died, long live the king: The mythology of Soviet and post-Soviet leaders]. In: Belova, O. (ed.) *Studia Anthropologica* [Studia Anthropologica]. Moscow – Jerusalem: Gesharim. pp. 53–86.
9. Kurmanov, A. (2016) *Lenin, kak "razrushitel" Sovetskogo Soyuz a Putin, kak ego "sobiratel"* [Lenin as the "destroyer" of the Soviet Union and Putin as his "collector"]. [Online] Available from: <http://socialismkz.info/?p=15497> (Accessed: 10th October 2018).
10. Shcherbinina, N.G. (2017) Construction of sacral space as the source of Russian power. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 420. pp. 192–196. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/420/29
11. Bonnell, V.E. (1999) *Iconography of Power: Soviet Political Posters under Lenin and Stalin*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press.
12. Shcherbinin, A.I. (2016) Patriotism as a nomenclature construct. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 3(35). pp. 264–270. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/35/28
13. Glezerman, G.E. (1950) Partiya bol'shevikov vdokhnovitel' i vospitatel' sovetskogo patriotizma [The Bolshevik Party is the inspirer and educator of Soviet patriotism]. In: Vasiliev, N.P. &

Khrustov, F.D. (eds) *O sovetskom patriotizme* [On Soviet Patriotism]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo politicheskoy literatury. pp. 119–181.

14. Pomeranz, G. (1995) *Vykhod iz transa* [Exit from Trance]. Moscow: Yurist. pp. 146–202.

15. Hoffman, I. (2003) *Analiz freymov: esse ob organizatsii povsednevnogo opyta* [Frame analysis: an essay on the organization of everyday experience]. Translated from English by R.E. Bumagin, Yu.A. Danilov, A.D. Kovalev, O.A. Oberemko. Moscow: Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences.

16. Janow, D. & Hulst, M. van (2011) The Political/Process Promise of Policy Framing. Translated from English by K. Tkacheva. *Sotsiologicheskoe obozrenie – Sociological Review*. 10(1–2). pp. 87–113. (In Russian).

17. Melnikova, M.A. (ed.) (1950) *Nachal'naya shkola. Nastol'naya kniga uchitelya* [Primary school. Teacher's Handbook]. Moscow: Ministry of Education of the RSFSR.

18. Egorov, N.P., Kufaeв, V.I. & Yankovskaya, A.V. (1951) *Vospitanie sovetskogo patriotizma v shkole. Iz opyta raboty shkol* [Bringing up Soviet patriots in the school. From the school experience]. Moscow: Uchpedgiz.